

Внезапные перемены в Тайном царстве Морских Облаков застали всех врасплох, но Фан Чуньшэн взял ситуацию в свои руки и справился блестяще. Мало того что ученики его собственной секты почти не пострадали, он сумел помочь и многим адептам из других орденов.

Единственной ложкой дегтя стало ранение самого господина долины Фан — впрочем, пострадал он лишь потому, что спасал других.

После всего случившегося даже ученики Террасы Небесного Зеркала прониклись к нему невольным уважением. Они привыкли преклоняться лишь перед силой, особенно перед теми немногими сильными мира сего, кто не взирал на простых людей свысока.

Узнав об этом, Фан Чуньшэн вынужден был признать, что в чем-то взгляды Кун Хуайи на воспитание заслуживали одобрения.

Однако на сей раз он не собирался, как прежде, отдавать всё на откуп Кун Хуайи. Чуньшэн твердо решил вмешаться в ход событий и взять расследование под свой контроль.

К сожалению, история имела привычку повторяться.

Заметив, что Фан Чуньшэн с мрачным видом вертит в руках письмо, Вэй Наньси догадался:

— Вести от главы? Просит тебя вернуться?

— Не меня, — поправил его Фан Чуньшэн. — Тебя.

За те несколько дней, что они здесь задержались, время подошло к началу состязаний сект. Судя по всему, Ду Цзуньюань так и не оставил надежды на участие Вэй Наньси.

Чуньшэн прекрасно понимал мотивы главы. Тот рассуждал просто: раз в его секте появился такой блестящий ученик, нужно непременно выставить его напоказ. Не дай бог кто-то не узнает, какой гений скрывается под его крылом! Обыкновенное желание прихвастнуть... скупа смертная.

Но дела в Тайном царстве Морских Облаков еще не были завершены, и Фан Чуньшэн не мог просто так всё бросить. В это дело вмешалась Юэ Нюйсинь, заставив Шэня сеять хаос в тайном царстве, и её истинные цели до сих пор оставались загадкой. Роль Кун Хуайи во всей этой истории тоже была окутана туманом. Вэй Наньси видел то, что видел, и его слова были правдой, но Чуньшэн не верил, что Кун Хуайи и Юэ Нюйсинь действительно разорвали все связи.

Поэтому он решил пока не возвращаться, намереваясь докопаться до истины и, если повезёт, найти доказательства сговора Кун Хуайи с демонами.

Будь это раньше, он бы не стал ломать голову над вещами, которые не может понять. Зачем искать лишних хлопот? Куда разумнее просто наращивать мощь, чтобы защитить тех, кто дорог. Но осознание того, что он совершил «телесный перенос», породило в нём странное чувство бессилия перед процессом культивации.

С самого начала эта сила не была результатом его собственных трудов — её навязала Система. Он чувствовал себя строителем воздушного замка, у которого нет фундамента. И хотя это было куда лучше первоначальных слов Системы о том, что даже тело ему не принадлежит, Фан Чуньшэн давно ощутил: как бы он ни старался, его развитие замерло на уровне, определенном Системой. Продвинуться хоть на шаг дальше казалось невыполнимой задачей.

Если бы в культивации была хоть какая-то надежда на рост, он бы не стал так заикливаться на попытках предотвратить будущее или устранить угрозу в лице Кун Хуайи.

— Это твои мысли? — спросил Вэй Наньси, выслушав его опасения. — Положим, этот таинственный покровитель действительно обладает великим могуществом, раз сумел перенести тебя из мира, где нет и понятия о практике, и наделил силой, которой ты не можешь управлять.

Вэй Наньси заговорил серьезнее, стараясь подобрать слова:

— Но поверь мне, за все эти годы он не стоял у тебя за спиной каждое мгновение. И пусть твоя база кажется тебе зыбкой, эта сила уже стала по-настоящему твоей. Вряд ли я ошибаюсь, но человек без духовных корней и таланта не смог бы за такой короткий срок постичь алхимию, заклинания и даже противостоять практикам куда более высокого уровня.

Фан Чуньшэн понял, что тот имеет в виду Мэн Ханьюаня. А потому, ценя доброе намерение Вэй Наньси, он всё же был вынужден сказать правду:

— Что до Мэн Ханьюаня... мы с ним в похожем положении. Я смог выстоять против него только потому, что он тоже... весьма посредственен.

Или, проще говоря, ещё слабее.

Вэй Наньси на мгновение лишился дара речи.

— Позволь спросить, — наконец вымолвил он, — что значит «посредственен»?

Чуньшэн замялся, подбирая понятный аналог земному сленгу.

— Ну, это значит быть слабым. Дилетантом. Тем, кто никого не может одолеть.

Вэй Наньси почувствовал, как начинает болеть голова. Такой рассудительный человек, как Фан Чуньшэн, вдруг запутался в очевидных вещах. Странно: его собственный уровень культивации был ниже, но ему раз за разом приходилось наставлять старшего в вопросах практики.

Впрочем, он делал это с нескрываемым рвением. То ли в нём проснулась страсть к учительству, то ли дело было в том, что перед ним стоял именно Фан Чуньшэн.

— Раз этот таинственный покровитель признал, что его способность к восприятию уступает нашей, — продолжал настаивать Вэй Наньси, — значит, он не питает амбиций вмешиваться напрямую. Скорее всего, это ограничение таланта его рода. Они могут менять и направлять других, но сами не обладают великой силой.

Он окончательно выстроил цепочку рассуждений:

— Иначе он не был бы так ограничен в действиях. Я всё же считаю, что влияние извне на твою культивацию было лишь толчком, но в конечном итоге — это результат твоего собственного пути. Никто не может это отнять или испортить.

Фан Чуньшэн невольно взглянул на свои ладони. За годы тренировок с мечом на них наслоились мозоли. Когда он только прибыл в этот мир, он даже не задумывался о таких мелочах. Позже, когда Система заявила, что прежний владелец тела был искусен в магии, он тоже не стал вникать.

Но теперь слова Вэй Наньси казались разумными. Если бы Система действительно могла по щелчку пальцев забрать плоды его многолетних трудов, она бы не пасовала перед ним при каждом столкновении.

Заметив, что Фан Чуньшэн прислушался, Вэй Наньси задал последний вопрос:

— Муянь, а понимаешь ли ты сам, в чем истинный смысл пути Дао?

Чуньшэн на мгновение растерялся, даже не обратив внимания на то, как Вэй Наньси его назвал.

— Укреплять тело, стремиться к долголетию? — неуверенно предположил он.

Вэй Наньси лишь вздохнул, окончательно убедившись в необычности натуры собеседника. Пока другие годами бьются над каждым нюансом учения, этот человек умудряется достигать невероятных успехов, едва пролистав книги и совершенно не вникая в суть.

— У каждого свой взгляд на истину, — Вэй Наньси всё ещё чувствовал неловкость от того, что поучает Фан Чуньшэна.

Тот заметил его замешательство и негромко усмехнулся:

— Кто познал больше, тот и ведет. И не важно, что мы официально считаемся учениками господина долины, мы-то знаем, как всё обстоит на самом деле.

Вэй Наньси признал правоту этих слов и продолжил:

— Для меня путь самосовершенствования — это закалка своего истинного «Я» и поиск правды. Нужно укреплять сердце, сливаться с миром, но никогда не изменять своим убеждениям.

— Оставаться собой и стремиться к знаниям, — подытожил Фан Чуньшэн.

Вэй Наньси кивнул в знак согласия.

— В «Дао Дэ Цзин» сказано: «Небо и Земля долговечны потому, что они живут не для себя. Поэтому они и могут жить долго. Так и мудрец ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди». Я не стремлюсь стать святым и не ищу бессмертия. Но пока человек живет, у него должна быть цель — и это не обязательно что-то возвышенное. Порой это самые простые вещи.

Он сделал паузу, подбирая примеры:

— Один любит вино, другой — женщин, третий — богатство. Земные радости — это тоже стремление, часть человеческой природы. Никто не может отбросить все желания лишь потому, что начал практиковать заклинания. Напротив, пытаясь скрыть или подавить свою страсть, человек лишь быстрее впадет в безумие и станет демоном.

Чуньшэн не удержался от вопроса:

— А... ты?

Вэй Наньси понял его опасения. На месть он смотрел трезво: если позволить ненависти отравить разум и ограничить развитие, это станет невозполнимой потерей.

Он искренне поделился своими мыслями, втайне гадая, поверит ли ему Чуньшэн. Но тот, к его радости, не только поверил, но и просиял, посмотрев на него даже с некоторым уважением. Вэй Наньси это было чертовски приятно.

Спрятав невольную улыбку в кулаке, он продолжил:

— К своим желаниям нужно относиться спокойно. Не потакать им бездумно, но и не прятать.

Следовать своей природе, стремиться к тому, что любишь, и не скрывать неприязни к тем, кто противен. Мой путь — не изменять своему сердцу, соблюдать законы мира и творить добро, когда это возможно.

Его жизненная позиция во многом перекликалась с философией самого Фан Чуньшэна, за исключением одного: для Вэй Наньси веление сердца стояло выше закона, тогда как Чуньшэн привык к иному. Впрочем, Чуньшэн мог это понять.

— Поэтому зачастую те практики, что не скрывают ни гнева, ни любви, продвигаются по пути Дао куда успешнее тех, кто из последних сил корчит из себя бесстрастных небожителей. Со стороны это может показаться странным — как великие мастера могут быть столь приземленными? Но для них это и есть истинная натура. Быть искренним в своем стремлении — значит быть сильным.

— Как духовный корень, — вставил Фан Чуньшэн.

Вэй Наньси улыбнулся:

— Именно. Духовный корень — это дар. Мои слова могут прозвучать как хвастовство счастливого человека, но небеса и впрямь несправедливы, когда дело касается таланта. Но корень — лишь точка отсчета. Любой, кто ступил на этот путь, рано или поздно спросит себя: что есть истина? Я верю, что нужно познать себя, понять свои истинные желания. Увидеть свое истинное лицо.

Он помрачнел, вспоминая примеры:

— Один человек верил, что для обретения бессмертия нужно избавиться от всех привязанностей. Он бросил жену, детей, раздал всё имущество. В конце концов, он и впрямь встретил небожителя. Жаль только, тот пришел, чтобы забрать его жизнь.

Фан Чуньшэн слушал, пытаясь ухватить суть, и в конце концов вздохнул:

— У каждого своя судьба.

Немного помолчав, он добавил:

— Но если рассуждать прагматично, я всё же считаю, что в нашем деле талант, правильный настрой и усердие — вещи неразделимые.

— Здесь наши мнения сходятся, — отозвался Вэй Наньси.

— Спасибо, — Фан Чуньшэн выдохнул, чувствуя, как с души свалился тяжкий груз. — Кажется,

я говорю это слишком часто.

— Что ж, тогда это моя вина, — ответил Вэй Наньси.

Чуньшэн удивленно вскинул брови, но услышал в ответ:

— Муянь столько раз выручал меня, а я... я почти никогда не говорил тебе «спасибо».

— Подумаешь, — Чуньшэн неловко махнул рукой. — К чему нам эти церемонии...

Вэй Наньси улыбнулся, мягко закончив за него фразу:

— Действительно. Зачем нам, друг мой, слова благодарности?

<http://bllate.org/book/17581/1714640>